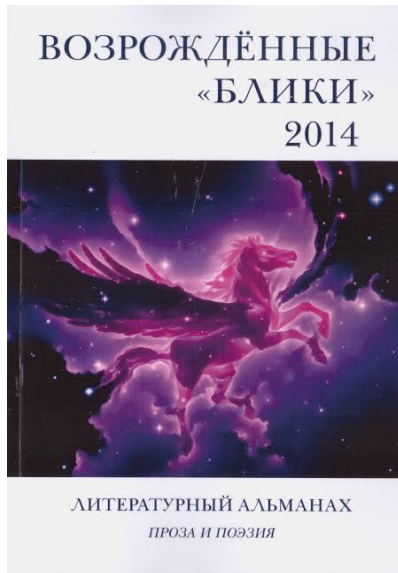


Обзор литературного альманаха «Возрожденные блики. 2014» под редакцией Лориды Рихтер

Валентина Томашевская

Проза.ру: <http://www.proza.ru/2014/08/31/1354>



Итак, Пегас на обложке книги «Возрожденные блики» и телевизионная башня - символ Берлина - на последней странице обложки. Берлинское литературное объединение немцев из России «VLiK» e.V. Сборник стихов и прозы Берлин - 2014 .

Предваряет сборник «Предисловие» Лориды Рихтер. Она вводит читателей в контекст судьбы российских немцев, настраивая на глубокое понимание творчески настроенных людей, авторов, которые однажды почувствовали потребность поделиться пережитым, излить боль души и которым есть, что рассказать.

Сразу скажу, что речь пойдет о моем личном прочтении сборника, и остановлюсь выборочно на произведениях, публицистических и художественных, важных и значимых, на мой взгляд. Это будет обзор прозы. Разные по стилистическим особенностям вещи, но все написанное интересно, ибо несет особенности характера творчества пишущего, соединяет прошлое и настоящее в единую нить.

Роберт Гайгер (профессор, доктор филологии) знакомит нас с дискуссией на страницах прессы «С чего начинается родина...» с письмами переехавших в Германию российских немцев. Здесь и понятия «отечества», и «отчизны», и «исторической родины», и «материнский народ», и «реальная родина», и «малая родина», и «родина-мачеха», «режим и родина», и «настоящая родина». Не буду вдаваться в подробности (желающие прочтут, или перечтут интересную, глубокую статью), приведу лишь одну цитату из статьи Роберта Гайгера, раскрывающую, на мой взгляд, суть проблемы:

«... я далек от того, чтобы критиковать моих земляков. Их непоследовательность, граничащая с абсурдом, искренняя и очень даже понятная. Это естественное противоречие между эмоциями, порожденными несправедливостью режима, и таким же естественным фактом связи с тем местом, где ты родился, где были «твоя земля,

твой дом, могилы предков, твой народ»... И это драматично. Это душевная рана на всю жизнь, которую далеко не всем удастся зажить. Даже тем, кто понимает истоки этой душевной дисгармонии.»

Итак, и предисловие Лориды Рихтер, и эти слова Роберта Гайгера, и наш личный опыт знакомств с судьбами переселенцев поможет нам в прочтении-понимании.

Несколько слов о себе. В Германии с 2003 года, из Латвии. Публиковалась в латвийской прессе, и естественно, начала писать здесь. Обратила внимание, что люди неохотно рассказывают о себе и оберегают от тяжелых воспоминаний престарелых родителей, которым, конечно же, есть что рассказать, и с этим надо считаться; а кто-то искренне побаивается рассказать о себе, кто-то написал на листочке драгоценные воспоминания и сдал в музей культуры русских немцев в Детмольде, а кто-то пишет сам. Тем более ценно, когда авторы сумели найти рассказчиков, смогли написать в жанре прозы или публицистики.

Курт Гейн (педагог, художник, прозаик) своими рассказами-миниатюрами вводит нас в мир далекого и недавнего школьного быта «Всеобщее. Обязательное. Среднее», «Вечерняя школа». Саманный домик, грифельная доска, зимой не раздевались в школе...Говоря об учителях («Два директора», автор тонко и точно подмечает: «Многие исчезли из памяти бесследно, но некоторые застряли в закоулках памяти из-за своей непривычной внешности или странного поведения»). Да, это действительно так, таковы особенности нашей памяти.

Agnes Gossen-Giesbrecht (поэт, писатель, эссеист, общественный деятель) пишет на немецком. Ее рассказ «Tagesbeginn», ее стихи создают светлое впечатление. Начало дня, творческие моменты, полет мысли, стихи.

Вилли Мунтаниол (писатель, публицист, поэт): «Из воспоминаний узников советских концлагерей «Премии лагерникам за расстрел «Трудармейцев». Сверхсекретный номерной концлагерь Челябинск-40. «В феврале 1942 года нас ознакомили с приказом Сталина, согласно которому отказ от работы на каторжной стройке квалифицировался как побег с фронта (дезертирство), за это приговаривали к расстрелу. Процедура оформления отказа от работы была предельно проста: охранник (конвоиры) оформляли акт на заранее заготовленных бланках и передавали его в военный трибунал». Один парень, немец, сильно ослаб от истощения, без посторонней помощи не мог передвигаться.

«Из котлована, который мы копали вручную под фундамент первой электросталеплавильной печи (всего их было пять), мы его вытаскивали веревками.

Работать он мог только до обеда. А после обеда мы его даже не спускали в котлован. А охранники, которые следили за нами, заметили, что он «филонит», лежа на бровке котлована. Его поведение они приняли за отказ от работы. И тут же, прямо у бровки котлована, командир отделения и два солдата составили на него акт.

Вмешаться в разговор, заступиться за «симулянта» было равносильно соучастию в преступлении. Я стоял рядом безмолвным свидетелем этой трагической истории. Парень не знал русского языка и говорил по-украински (до войны он жил в городе Белая Церковь). Помню, он слезно умолял командира: «Пыши акт. Тилько нэ пыши, шо робыть не хочу, а пыши, шо сьл нэма». Но стражи беззакония пропустили его рыдания мимо ушей.

Через пару дней, прямо у нас в лагере, перед палатками, в которых мы зимовали, состоялся показательный суд военного трибунала. Привели под охраной этого парня. Приехал военный прокурор Воробьев, зачитал обвинительное заключение, согласно которому «отказчику от работы» на оснований приказа Верховного Главнокомандующего была определена высшая мера наказания - расстрел.

Председатель военного трибунала (тоже военный в чине капитана) зачитал приговор, созвучный прокурорскому обвинению. Суд над парнем состоялся без защитника, без медицинского заключения о состоянии здоровья.

«Отказчику от работы» - высшая мера наказания. Заступиться за парня боялись, за это притесняли, сурово наказывали: считалось непокорный.

Запомнился следующий эпизод из воспоминаний жителя города Dinklage (Нижняя Саксония) Роберта Бауэра, которые поведал нам Вилли Мунтаниол .

- 2 января 1942 года в режимный город Челябинск прибыл первый эшелон с «трудармейцами». Чтобы не смущать местное население, взятую под охрану 3-тысячную колонну немцев повели к будущей промышленной площадке «Бакалстрой» по окраине, обогнув город. Подгоняемые конвоирами, мужчины быстро преодолели расстояние в 30 километров и остановились по колено в снегу, у берёзовой рощи будущего объединения «Челябметаллургстрой».

«Вот здесь вы будете жить!» - объявили без вины виноватым людям. Наши отцы взялись расчищать площадку от снега, ставить на мёрзлой земле палатки и готовиться ко сну. Мой отец - Георгий Иванович Бауэр был тёртый мужик. Дома его знали как лучшего кузнеца в округе. Тут он быстро сориентировался: подозвал к роще своего сельского молотобойца Сайбенцала. Тот упёрся: не хотел идти. «Устал, - говорит, - не могу ходить». «А ты - через не могу. Пойдём!» - настоял отец.

Нарубили они кучу веток, палок, приволокли к палатке. Соорудили один на двоих лежак. Киркой продолбили в мёрзлой земле четыре норки, вставили в каждую по крепкой рогатульке и, залив водой, тут же надёжно приковали их.

Затем между пальцами рогатулек протянули жерди, скрепили их перекладинами и застелили лежак ветками. Получилась кровать на деревянных ножках. Отец снял с себя промокшую от пота одежду. Заставил раздеться и напарника. Влажные тряпки постелили вниз. Одну сухую шубейку подложили под себя, а другой - укрылись.

Так они выпались в тепле. Утром поднялись бодрые. А многие не дожили до рассвета. Даже те, что были крепче здоровьем, застудили лёгкие и через неделю погибли.

Перед нами, как в кино, разворачиваются сцены далекой военной стройки, нечеловеческие условия выживания, но и смекалка, внутренняя организация личности.

Вилли Мунтаниол в воспоминаниях узников советских лагерей «Премии лагерникам за расстрел «трудармейцев» рассказывает о судьбе талантливого подростка. В начале 1942-го 15-летнего Гюнтера Гуммеля из немецкого поселка Хеленендорф, что на Кавказе, военкомат отправил в концлагерь советских немцев в Караганде.

Гюнтер хорошо рисовал, особенно карикатуры. И когда молодой человек отказался рисовать карикатуры на шахтеров, которых сутками держали под землей, его в наказание за это - заступился за подневольных шахтеров - загнали в шламовое болото, пригрозив сгноить заживо. Но паренек не уступил.

Гюнтера Гуммеля бросили в шахту на так называемый «лесогон». Это была очень тяжелая и опасная для жизни работа.

»Сверху вниз, в вентиляционный шурф бросают столбы для сооружения крепи в виде рамы ствола, которая при горном давлении должна предохранять от обвалов. Эти столбы вязнут в мягком глинистом дне шурфа до полуметровой глубины. Мальчишки с трудом вытаскивают лес и тащат его крепильщикам в забой. Надо иметь хорошую реакцию: чуть зазеваешься - раздавит в лепешку. А если проход завален, то вместе со столбами надо карабкаться на четвереньках, а порой ползти по-пластунски.

В это время кто-то из соплеменников обокрал Гюнтера: стащил с кровати всю чистую одежду, нательное белье, обувь и - талоны на питание с хлебными карточками на 10 дней. Утром перед вахтой все шли в столовую, а Гюнтер выпивал стакан воды и - под землю. Через неделю от голода и 12-часового изматывающего труда его стало покачивать. Перестал ходить в баню, чтоб сберечь последние силы, да и переодеться было не во что.

Увидев грустного немывтого мальчишку, начальник колонны Альберт Христьянович Зонтаг приказал ему идти в баню и выделил талоны на питание.

Начальник шахты Дмитрий Иосифович Клецко пристроил одаренного парнишку художником лагеря, выписал ему хороший костюм, закрепил за ним просторное помещение для работы над портретами шахтеров, хорошо его кормил. Гюнтер оправдал заботы покровителей - создал блестящую художественную галерею.

Гюнтер Гуммель был еще и прекрасный музыкант, с собственной скрипкой Антонио Страдивари. В 1947 году по заданию управляющего трестом «Молотовуголь» Дмитрия Ивановича Лапина, Гюнтер создал летучую агитбригаду из семи человек. Всем выдали новые полушубки и поставили задачу критиковать заевшихся начальников шахт. Подобрали хорошего поэта Сергея Духанина. Он написал куплеты на злободневную тему. Бригаду возили по шахтам на автобусе.

Таким образом, мы видим и добрые взаимоотношения, понимание и отзывчивость. Люди разных национальностей: русские, украинцы (судя по фамилиям: Лапин, Духанин, Клецко) проявляют заботу о талантливом немецком пареньке Гюнтере Гуммеле.

К сожалению, были и представители из числа русских немцев, которые могли обидеть соотечественника, или выслуживались перед начальством, или добровольно принести себя в жертву.

Вилли Мунтаниол поведал нам в своих воспоминаниях об одном из героев документальной книги Лео Германа «Смилуйся, Господи!» Альфреде Минге, который был настолько убежденным коммунистом, что вполне серьезно считал жестокие порядки на объектах грандиозных сооружений Челябинска вполне закономерными. Он сунул в карман куртки своего звеньевго Менгеля записку с предсмертным наказом, чтобы его замуровали в фундамент домны.

Александр Данилович Менгель до последнего не верил в намерения молодого парня. Но когда звено собралось на площадке бетонировать фундамент под доменную печь, обнаружили, что Альфред Минг исчез. Не дождавшись товарища, Менгель послал за ним Отто Ивановича Гефа. Но было уже поздно. Минг бросился с крыши кирпичного здания вниз головой на бетонную плиту. Главу об Альфреде Минге Лео Герман назвал «Он памятник себе воздвигнул рукотворный».

Стал ли Альфред Минге жертвой пропаганды или не хотел умирать, как другие, кто знает...

Христина Лапина (geb. Stoll) представлена рассказом «Завещание потомкам», который предваряет эпиграф: «Ты хочешь, чтобы тебе оказали милость? Окажи ее ближнему». Иоанн Златоуст. Слово "милость" устаревшее: благодеяние, дар или одолжение, но, вероятно, принцип и милости и помощи схож: сделай первый шаг и тебе воздастся.

Героиня рассказа фрау Беккер, проводив мужа в последний путь, осталась одна. Никто из детей не изъявил желания переехать в родительскую квартиру или перебраться к ней. У детей всегда находились причины, чтобы не приехать к матери, не позвонить.

«И зависло над ней одиночество, как виснет одинокая луна в холодном безмолвии ночи». Лишь соседка скрашивала одиночество, взяла шефство.

Сын фрау Беккер приехал, когда мать уже умерла. Он прочел завещание матери. Она прощала детей, напоминая о библейской добродетели: «Почитай отца своего и мать свою». Herr Becker сидел в кресле своей матери и слезы позднего раскаяния текли по его щекам. Он корил себя и своих сестер за безразличие, которое жило все эти годы в их сердцах, и просил у родителей прощения. После долгих размышлений он принял твердое решение переехать в свой город детства и жить в квартире родителей». Тема, к которой следует обращаться. Жизнь людей не вечна, родители не вечны, конечно же, надо быть чутким, особенно к нашим родителям, чтобы потом не было горько.

Интересно, легко читаются отрывки из повести Эдуарда Циттеля «Депортация. Таежное детство», неся читателю немало деталей детства и юности в Сибири, на сибирских просторах».

1946 год. Нашему герою девять лет. «Дети той поры выросли быстро. Трудности, выпавшие на их долю, заставляли рано становиться самостоятельными».

Спичек не было, и чтобы затопить печь, ходили с ведром к соседям за головешками. Когда огонь разгорался, от него зажигали коптилку. Одна женщина принесла в канистре лигроин.

Нашла в википедии: Лигроин или нафта— смесь жидких углеводородов, получают при прямой перегонке нефти или крекинге нефтепродуктов (выход 15-18 % от массы сырья). Прозрачная желтоватая жидкость. Ранее вырабатывался главным образом как моторное топливо для тракторов. В связи с переводом тракторного парка на дизельные двигатели лигроин как моторное топливо утратил своё значение.

Использовался в качестве топлива для первого автомобиля Карла Бенца в путешествии, совершенном его женой в рекламных целях, в августе 1888 года. Продавался в аптеках

как чистящее средство.

«Особенно всем запомнились в Сибири послевоенные трескучие морозы,- пишет Эдуард Циттель («Первая самостоятельная охота»). - Техники еще не было в достатке, и все грузы перевозились на гужевом транспорте (гужевой - конный).

Идет обоз в Барнаул или в Кемерово, конца и края не видать повозкам. Только белый пар стоит над обозом от людского и лошадиного дыхания».

Так и стоит перед глазами живописная картина жизни Сибири в послевоенное время. Мороз, и кони тянут груз в повозках среди обильных снегов...

На хорошем художественном уровне написаны рассказы Генриха Штоппеля (архитектор, художник, прозаик и поэт) «Кофе...», «Валенки», «Берлинские стори»: «Штраф за излишнюю чистоту». Председатель сельсовета придрался к засыпанной шлаком яме на дороге - излишняя чистота. Хорош рассказ «Валенки». Отец писателя мастерски, с удовольствием подшивал валенки, и они нередко смотрелись лучше, чем новые. В рассказе «Кофе...», повествуется о том, как скрашивала, порой продляла жизнь, правда не всем, но некоторым, привычка выпить чашечку кофе. В первые дни войны в кожевником магазине (поселок Кожевниково) все самое ценное смели с прилавков, но «в нем продавались никому не нужные в деревне зеленые зерна кофе». Ссылные немцы запаслись этими зелеными зёрнами. Оказывается, жители Кожевникова просто не знали, что с этими зёрнами делать.

Заслуживает внимания и похвалы рассказ Лоры Рихтер «Доктор Мирош».

Лора Рихтер создает характер героини, используя внутренние монологи, диалоги ее с доктором, мужем и показывает, как окружение влияет на здоровье и на сохранение жизни. Запоминается и образ врача-профессионала, чуткого, внимательного и сострадательного.

Героиня рассказа, Эрнеста Штарке, после операции находится в клинике и знает, что ей предстоит длительное лечение. Доктор Генрих Мирош «в силу своего опыта, знал, что происходит в сознании больных с коварным диагнозом и обреченных на мучительное лечение в стенах онкологической клиники» и «своим появлением пытался скрасить их мрачные мысли и привнести покой в их сознание», понимал, что вопросы – показатель душевного состояния. Доктор проявляет внимание и интерес к немке из России, беседует с ней, вселяет в нее уверенность. И врач, и пациентка неординарные личности. « Неординарный характер (Фрау Штарке, говорящая фамилия, в переводе с немецкого : Сильная) отражал на людях оптимизм и стойкость».

Эрнеста , «лежа в тишине своей вынужденной обители» размышляет, думает о смысле жизни, о предназначении человека, ее сознание переключается на новую волну об извечных тайнствах, о проблемах молодежи. То есть она не заикливается на своей болезни, задает вопросы, интересуется происходящим.

Эрнеста, проходит не четыре приема химиотерапии, которые подошли бы ей по стадии ее заболевания и по данным гистологии, но шесть сеансов, по рекомендации доктора Мироша.

Автор подробно описывает все ощущения героини после прохождения каждого сеанса. Конечно же, ей страшно и жутко. Уже после первого приема химиотерапии у Эрнесты начинают выпадать волосы. И тут, вспомним эту деталь, муж героини советует ей сразу обрезать волосы, чтобы не мучиться постоянно.

Мне невольно вспоминается случай с нашей сестрой. Ирена, коренная немка, жила в Берлине и работала посменно в Берлинском метро. После сеансов химиотерапии, когда у нее начали выпадать волосы, она позвонила нам по телефону, мы постарались успокоить ее, просили бодриться, посмотри мол, какая мода на прически, да и парик можно надеть! Что-то в этом духе говорили ей мы. Кто знает, вероятно, Ирена пала духом, ибо очень большое внимание уделяла своей внешности. Однажды, мы приехав в Берлин, битый час ждали в кафе у ее дома, пока она приведет себя в порядок после ночной смены. И рядом в трудную минуту не оказалось близкого человека, который приободрил бы. И все, к сожалению, пошло по нисходящей.

В альманахе помещены фотографии как самих авторов, так и фото изданных ими книг.

Нужно сказать, что Райнгольд Шульц (юморист, писатель, публицист) издал немало книг и нашел немало читателей. В сборнике он представлен несколькими рассказами. Рассказ «Фуфайка», стиль которого, на мой взгляд, не ровный, но таков характер творчества писателя: на острой грани документального и художественного.

«17 лет на Севере проработал трудармеец Боос на разных работах, с 1941 по 1958. Работал бесплатно, за продовольственную пайку. Все эти годы он что-то копил, и когда стало чуть легче жить, купил себе новую фуфайку. Александр очень радовался обновке и решил ради интереса посчитать заплатки на старой фуфайке». «Когда он отпорол последнюю латку, фуфайка была похожа на рванную рыбацкую сеть, а на полу лежало пёстрое лоскутное одеяло, он посчитал латки и не мог поверить. На его фуфайке было триста сорок две латки. Полный кавалер трудовой армии, незамеченный, не отмеченный Родиной герой, выдержавший все лишения, холод, голод, унижения, отдавший всего себя, вместо орденов, пришивал латки на фуфайку, но заплатки, оставшиеся в душе, не отпороть, они болят и ноют...».

Второй рассказ «Беглянка» - это отрывок из новой книги Райнгольда Шульца "Волга моя колыбель", трогает до глубины души. Его можно предложить сценаристам, будет потрясающее кино!

В рассказе "Беглянка", российский немец, Вильгельм Тевс, по-дружески рассказывает о своей семье, о мобилизации немецких женщин в трудовую армию, в которой условия были жестче, чем в ГУЛАГе.

В 1941 году его мама, Мария, с четырьмя детьми была выслана в Казахстан. Жили в маленькой землянке на станции Целиноградской в Акмолинской области».

Восьмилетний Вильгельм был самым старшим, а остальные трое мал- мала-меньше. «Зимой 1942 года мама получила повестку, в которой предписывалось в 7 часов утра явиться в комендатуру на станцию. Она подумала: «А как же я оставлю детей одних?», а потом решила, что в это время дети еще спят и она успеет быстро сбегать туда и обратно».

И вот она увидела множество женщин, которые ожидали, что им скажут. Но никто с ними не разговаривал. Через некоторое время их окружили солдаты, и последовал приказ проследовать к вагонам. Женщины стали кричать, умолять, чтобы их отпустили

домой, к детям, но их никто не слушал.

...Мария, сидя в уголке вагона, заметила отверстие в полу вагона: отсутствовала одна половица. Пришлось расширить это отверстие, помогала ей и другая женщина, но убежать та боялась, это было опасно. Мария ответила ей, что большего наказания, чем потеря детей, для нее быть не может. Ночью Мария (она была худа) во время долгого стояния поезда вылезла из вагона через отверстие, определила, откуда шел поезд и пошла назад по железной дороге. К вечеру следующего дня она, отсутствовавшая 36 часов, дошла до дома. Как же они были счастливы, и мать, и дети, плакали от радости! Малышей спас старший брат: он уложил их спать всех вместе и укутал всеми теплыми вещами, которые были в доме, но все равно дети потом болели простудными заболеваниями. За Марией так никто и не пришел из комендатуры. Соседи даже не знали, что дети одни были дома под замком. Воспользовался ли кто этим лазом в вагоне, Мария не знала.

Интересная история, заслуживающая кинематографического воплощения.

И хотя случай единичный, так приятно порадоваться за мать и детей.

Риск – дело благородное, и иногда надо на него идти.

В альманахе «Возрожденные блики» представлено творчество русских немцев, членов Берлинского литературного объединения немцев из России, но и не только: это также гости - авторы из Украины, Казахстана и Российской Федерации. Это и творчество подрастающего поколения. Запомнилась сказка юной писательницы Эвелин Григорьян (родилась в Гиссене, в 2004 г.) «Лягушка и Золотая рыбка». Одна из начальных строк вызвала улыбку, заинтересовала: « В болоте вообще не происходило никаких событий». И далее глазами лягушки, увидевше море: «Лягушка еще никогда не видела так много воды, чтобы не было видно противоположного берега». И вот дружба с Золотой рыбкой, морские обитатели, морские хоромы, теперь у лягушки было все, появился свой кабинет в высоком небоскребе, а лягушачья кожа покрылась позолоченным налетом, но теперь она была всегда занятой и у нее появился стресс. Лягушка затосковала о своем счастливом детстве, стала думать о том, что где родился, там и пригодился. «Душа ее рвалась в болото, а разум возвращаться запрещал. Сказка ложь, да в ней намек: чем дальше детство золотое, тем ярче нам блестит оно».

Сказку сочинила сама Эвелин Григорьян, а обработал и записал ее Райнгольд Шульц, дедушка Эвелин. И это радует: приобщение ребенка, внучки, к творчеству – великое дело, преемственность поколений. Действительность жизни и ее впечатления преломляются на художественном уровне. Кто знает, возможно, в этом более правды, чем в простом констатации факта?

Не берусь анализировать стихотворения данного сборника: они требуют особого настроения, стихи нужно перечитывать. Однако закончу эту рецензию-обзор трехстишием Лоры Рихтер, пишущей хокку:

Искусство для души,
Как корсет для тела.
Держит осанку.

Думая о выводах, посмотрела документальный фильм о Георгии (Эрихе) Эриховиче Лангемане. Он был у истоков «катюши», ему завидовали. Он был расстрелян 38-ом, а слава его досталась другому, впрочем на время.

Георгий Эрихович Лангемак ((8) июля 1898, Старобельск — 11 января 1938, Москва) — советский учёный, один из пионеров ракетной техники и один из основных создателей реактивного миномёта «Катюша», военинженер 1-го ранга.

Основоположник исследований по конструированию реактивных снарядов на бездымном порохе, открыл так называемый закон подобия, знание которого позволило определять оптимальную геометрию сопла реактивного двигателя без длительных дорогостоящих экспериментов — аналитическим расчётом[1]. Перевёл на русский язык термин «космонавтика»

По ложному обвинению во «вредительстве» и участии в «антисоветской террористической организации» был арестован НКВД и расстрелян. После смерти Сталина посмертно реабилитирован.

Отец Георгия Лангемака был немцем по рождению: Эрих Францевич Лангемак, окончил Берлинский университет, вместе с женой, швейцаркой по рождению, Марией Константиновной принял российское гражданство и поступил на службу в Министерство просвещения. Эрих Лангемак заслужил звание статского советника и был награждён орденом Станислава II степени, умер в 1905 году. Источник: википедия.

Подумала: вот была создана система, позволяющая , используя наветы, доносы, элементарную зависть и выгоду, "охотиться" за славой достойного ученого, в другом случае за квартирой, за жизнью... Но это во все времена умели...

Зачастую трагедии создают сами люди...Но бывают и трагические времена, диктаторы бывают и - тьма, поддакивающая и замалчивающая нежелательное, вплоть до сего дня. Может, строй-то был не очень? А какой строй очень?

Думая о выводах, я шла осенними тропами и набрела на закрытое еврейское кладбище, прочитала фамилии на памятнике. Это были фамилии немецкого звучания с указанием : 1933 – 1945 гг. Прочла также памятные таблички на пешеходной части, еврейская семья, муж с женой укрылись в монастыре в Люксембурге, но и там их «достали», сына взяли позже.

Выводы не могут быть однозначными. Вероятно, так, походя, их и не стоит делать...

Думая о выводах, прочитала уже другую книгу Райнгольда Шульца, отрывок из которой есть в альманахе: «Волга – моя колыбель» , написанную им в соавторстве с Людмилой Фелькер. Вот история из жизни трудармейцев: российских немцев, живущих в немецких селах Сибири, призвали в Красную армию. Целый эшелон немецких призывников повезли на запад, на сборный пункт, и уже проехали Челябинск, когда получили вест о том, что началась война. Покупатель новобранцев и командир эшелона вскипел ненавистью и патриотизмом. Он велел загнать эшелон в дальний тупик, в дремучий лес. Охране приказал перед вагонами построить всех призывников, всех ребят из немецких колоний. Не немцам приказал выйти из строя и вернуться в вагоны, а немцев увели в лес, к оврагу и расстреляли всех до единого как предателей и врагов народа. Брат рассказчика (по фамилии Hertel) этой истории, был записан на русскую фамилию матери и остался жив.

У каждого свое мнение, свое видение, свой порог терпения, боли, свой камень преткновения, заноза в душе. «Люди судят о вещах и событиях в соответствии с тем что имеют в себе сами» (Старец Паисий Святогорец). И это сегодня весьма ощутимо.

«Волга – колыбель моя» - повесть о русских немцах. В основу положена судьба семьи Лилии Давидовны Штрейтенберг (урожденная Беккер). И хотя счастье молодой женщины было недолгим, время и обстоятельства разлучили ее с мужем, она удивительно нежно любит свою дочь, проявляет любовь и доброту к людям. Она позитивна, несет в мир светлое начало, и это тепло души повторяется в

ее дочери, в большой и дружной семье, которую создала ее дочь. И в этом суть: нести в мир добрые, светлые чувства, создать и сохранить свою семью.

Есть текст (будем понимать под этим то, что читается читателем) , и выбор читателя: прочесть или нет, узнать или не узнать детали давно ушедшего времени с его острыми углами, можно даже даже перечитать текст, детали которого связывают прошлое и настоящее. «История пишется не для того, чтобы доказывать, а чтобы поведать,» - гласит латинское изречение. А что если и произведения пишутся не для того, чтобы доказывать, а чтобы поведать?..